

В гостях у великого «дачника»

В музее Пастернака отмечалась очередная годовщина его ухода

**Константин
КЕДРОВ,
«Новые
Известия»**

Поэтическое и музыкальное действо открыл, как всегда, Андрей Вознесенский. Он повторил свою любимую мысль, что самым великим поэтом XX века оказался все-таки Пастернак. Возможно, кто-то и возразил бы, но в этот день в этом доме с Вознесенским были согласны все. А музыкальный настрой был дан замечательным скрипачом Сергеем Стадлером, специально приехавшим из Петербурга.

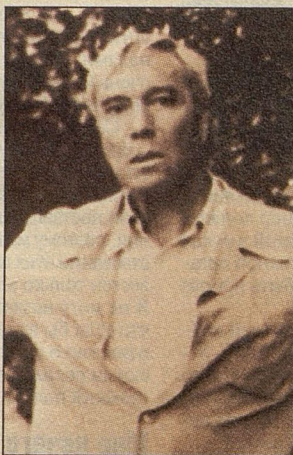
Хозяйка дома, невестка Бориса Леонидовича, Наталья Пастернак устроила и на этот раз радужный прием для собравшихся поэтов и артистов. И хотя концерт был более чем удачным, все же основной разговор продолжился здесь, за большим столом на веранде.

У всех застолий есть одно достоинство (или недостаток): что бы ни говорилось, какие бы стихи ни читались, но при этом все равно надо есть и пить, наполняя бокалы к очередному тосту. А с другой стороны, это очень славный обычай, потому что только крепкому, жгучему глотку водки соответствует острота соприкосновения с тем великим и недоступным миром, где ныне пребывают, вместе и рядом, великие футуристы: Маяковский, Хлебников, Пастернак. Позднее Пастернак от футуризма отказывался. Стремился, «как в ересь», впасть «в неслыханную простоту». И, наверное, никогда не закончатся споры на тему, что же лучше — футуристическая сложность или неслыханная простота «Доктора Живаго». Но не об этом шел у нас разговор на веранде, а о том, что если в других мирах поэты рядом, то есть надежда, что и сидящие за этим столом «будут вместе всегда».

Интимно-поэтическое-концертное застолье было освящено особой религией — религией Пастернака. Как-то по-особому зеленели деревья, и была чиста под дождем трава, и все это наполняло окна и действительно, как в стихах Пастернака, вбегало в дом.

При жизни его часто клеймили титулом поэта-дачника. Ох, не дает покоя эта дача даже сегодня. Она, как какая-то интеллигентская крепость, как деревянная цитадель, как храм. Хорошо, что Андрей Вознесенский в свое время смог отстоять этот дом от алчных и кошунственных посягательств на музейное заселение его какими-то советскими писателями, чьи имена и сегодня красуются в названиях близлежащих переделкинских улиц.

Думаю, что Пастернак — поэт прежде всего XX века. В двадцать первом ему было бы неуютно. Именно поэтому здесь так возрастает ценность его поэзии. Его чеховский гуманизм уже непонятнее Древнего Египта. Его экзотично-скрябинский стиль далек от сегодняшней поп-механики. Он при жизни многим казался живым музеем. Деревья, грядки, «пью горечь тубероз»... Кто сегодня помнит, как выглядят эти туберозы? Цветы теперь привозят не с подмосковных дач, а с острова Мартиника почти в мумифицированном виде и опрыскивают туалетной водой. А здесь, на даче у Пастернака, и стихи, и музыка, и цветы, и деревья — все настоящее.

**Пастернака извели,
как майских жуков
в Подмоскowie.**

ИТАР-ТАСС

Новые Известия - 2001 - 2 июня - с. 6.